

Хроника научной жизни

Цикл семинаров «В фокусе: деколонизация»

(Центр исследований России и Евразии имени Кэтрин и Шелби Дэвисов
в Гарвардском университете, 3 февраля — 31 марта 2023 года)¹

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_402

За последние годы понятие «деколонизация» стало одним из наиболее частотно используемых в социогуманитарных науках, в особенности в англоязычном академическом мире. Из рассуждений исследователей этот термин перешел в практики культурных институций, политический дискурс и обыденную речь. Важным импульсом к этому стал также подъем активизма среди этнических меньшинств и других непривилегированных групп, порой никак не связанного с академической средой и даже противопоставляющего себя ей.

Цикл семинаров «В фокусе: деколонизация» Центра исследований России и Евразии имени Кэтрин и Шелби Дэвисов Гарвардского университета имел целью осмыслить, конкретизировать и проблематизировать этот термин, сфокусировавшись на постсоветском пространстве — где его использование остается довольно непривычным и активно оспаривается. Шесть секций, состоявшихся с февраля по март 2023 года, были посвящены соответственно релевантности этого понятия для данного исследовательского поля, соотношению англоязычного академического дискурса и других региональных и локальных научных традиций, голосам молодых ученых, влиянию научного знания на практическую деятельность, новым стратегиям в преподавании и будущему славистических исследований. Едва ли можно утверждать, что в результате была выработана некая единая точка зрения — скорее, напротив, в докладах и дискуссиях звучали порой в чем-то противоположные позиции, но именно то, что все они смогли прозвучать, и представляется важным в конечном итоге.

Первый семинар, озаглавленный «Деколонизация: почему это важно?», прошел 3 февраля 2023 года; модератором выступила *Тамар Ширинян* (Университет Теннесси, США). После небольшого вступительного слова *Жужанны Магдо* (Питтсбургский университет, США), поприветствовавшей участников и слушателей от лица ключевого спонсора мероприятия — Ассоциации славистических, восточно-

1 Программу и записи секций можно посмотреть на сайте центра: <https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/announcing-decolonization-focus-seminar-series> (дата обращения: 18.06.2024).

европейских и евроазиатских исследований (ASEEES), — и представления докладчиков семинар открылся выступлением *Марины Могильнер* (Иллинойский университет в Чикаго, США).

По мысли докладчицы, активно ведущиеся в настоящее время дискуссии о деколонизации страдают от ряда методологических ловушек. Эти ловушки преимущественно связаны с эссенциализирующей тенденцией — склонностью рассматривать те или иные понятия как данности, контуры которых четко очерчены раз и навсегда. В частности, Могильнер отметила контрпродуктивное, по ее мнению, внеисторическое использование жестких бинарных оппозиций наподобие «колонизатор — колонизируемый». В противовес этой тенденции докладчица предложила остранить привычные категории анализа, такие как «колония», «империя», «Европа», чтобы сохранять чуткость к специфике смысла, которым они наполняются в каждом конкретном контексте. При таком использовании, по мысли Могильнер (сооснователя и редактора журнала «Ab Imperio»), понятие «империя» оказывается особенно продуктивным, так как, не совпадая полностью ни с одной из реальных империй, позволяет проследить процесс их формирования и изменения во времени, задействуя широкую компаративную перспективу.

Одним из проявлений эссенциализма Могильнер назвала не критическое, антиисторическое использование понятий «Россия» и «российский», особенно в том контексте, в котором сейчас нередко говорят об «отмене» российской культуры. Сходная мысль прозвучала в докладе *Светланы Бедаревой* (Ибероамериканский университет, Мексика / Киевская школа экономики, Украина), которая указала на парадоксальные последствия ассимиляции деятелей искусств с имперских «окраин» в русскую культуру — теперь они тоже оказываются «отменяемыми». Так, Школа архитектуры американского художественного колледжа Купер-Юнион отложила проведение выставки, посвященной ВХУТЕМАСу, которая должна была открыться в конце января 2023 года². Этот пример наглядно показывает, что обманчивое наименование «русский авангард» прочно укоренилось не только в российской исследовательской традиции, но и в мировом искусствоведении. В качестве другой иллюстрации этой тенденции Бедарева назвала книгу Бориса Гройса «Gesamtkunstwerk Сталин», где в русские художники оказались бесхитростно записаны уроженцы Украины от Малевича до Кабакова.

Гройс, как известно, ввел в оборот термин «московский концептуализм», по аналогии с которым получили свое название другие региональные версии советского неофициального искусства, в частности «одесский концептуализм». По мысли Бедаревой, этот кейс позволяет высветить комплексные отношения между «центром» и «периферией»: с одной стороны, термин будто бы мигрирует из Москвы в Одессу, демонстрируя «вторичность» локальных художественных явлений. С другой стороны, сами эти явления не просто предшествуют термину, но, можно сказать, развиваются в обратном направлении: так, в становлении московского концептуализма значительную роль сыграли художники из Одессы и других украинских городов, например участники (московской) арт-группы «Инспекция “Медицинская герменевтика”» Юрий Лейдерман, Сергей Ануфриев и Владимир Федоров.

Игнорирование этой сложной динамики, ее «спрямление» в сторону утверждения безусловной гегемонии центра — одна из характерных черт колониализма, суть которого не сводится к экономической эксплуатации. Об этом говорила в своем выступлении следующая докладчица семинара, *Эпп Аннус* (Университет штата Огайо, США). По ее мнению, именно колониализм ответствен за развитие

2 В итоге выставка прошла 25 апреля — 5 мая 2023 года, после бурной полемики в американской и мировой прессе и соцсетях.

эссенциализирующего мышления, продолжающего даже в постколониальную эпоху делить мир на «своих» и «чужих». Ключевым аспектом колониализма Аннус назвала централизованное принятие решений, не учитывающее локальных интересов и игнорирующее знания локальных акторов (из-за чего представители центра, ответственные за принятие таких решений, нередко оказываются плохо информированными о контексте их имплементации и возможных последствиях).

Отталкиваясь от рассуждения Эдварда Саида в его работе «Культура и империализм», докладчица указала на центральное значение земли, территории для колониального проекта. Но если для Саида территория представляет собой прежде всего географическое и социальное пространство, то Аннус привлекает внимание к материальности природы (вернее, природы-культуры, понимаемой в латуровском ключе) и акцентирует также аспект экологического насилия в отношениях метрополии и колоний. Разрушение экосистем, отравление воздуха и почв, радиационное заражение не только трансформируют ландшафт и делают его менее пригодным для жизни — они входят в тело, отпечатываясь в каждой его клетке, и для анализа всей этой совокупности последствий колониализма требуется многоуровневый трансдисциплинарный подход.

Подводя итоги секции, Тамар Ширинян обратила внимание на то, как по-разному трактуется (де)колонизация в различных исследовательских традициях: в рамках подхода, для которого парадигматическим является колониализм, осуществляемый путем создания поселений (*settler colonialism*), деколонизация понимается исключительно как возвращение земли коренным народам, и метафорическое использование этого понятия критикуется. По мнению модератора, доклад Аннус представил важную альтернативу такой позиции, показав, как можно по-новому концептуализировать «землю», совмещая практическую конкретность с широтой взгляда и задействуя среди прочего перспективу социальной экологии.

Также Ширинян предложила подумать о неоднозначной роли Западной Европы и США в том, как осмысляется колониализм в Восточной Европе и Евразии. Зачастую речь идет об импорте авторитетных теорий, переносимых в контекст, значительно отличающийся от ситуации, для описания которых они изначально создавались, — что само по себе можно рассматривать как форму власти, эпистемологическую «колонизацию». Этот эффект накладывается на политическое и экономическое доминирование Запада, которое достаточно остро ощущается в регионе. В частности, в Армении, как отметила Ширинян, о неоколониальных амбициях США говорят и консервативные силы, по мнению которых Запад навязывает другим странам чуждые им ценности, и левые политики, указывающие на фатальные последствия «вашингтонского консенсуса»³ для постсоветских экономик. Пересечение и взаимное наложение различных форм и векторов имперского господства стало одной из центральных тем всего цикла семинаров, и, в частности, второе мероприятие серии, озаглавленное «Дискурс и деколонизация: взгляд из-за пределов англоязычной академической среды», поместило в фокус внимания конкуренцию исследовательских парадигм и динамику властных отношений в этой области.

Этот семинар, состоявшийся неделю спустя, 10 февраля, модерировал *Vitaliy Chernetskiy* (Канзасский университет, США). Заседание открылось выступлением *Катажины Гурак-Сосновской* (Варшавская школа экономики, Польша), рассказавшей о рецепции деколониальных теорий в Польше и о своем собственном опыте знакомства с этими идеями. По мнению докладчицы, дискуссии о деколони-

3 «Вашингтонским консенсусом» называют совокупность мер по либерализации экономики, которую в 1990—2000-е годы Международный валютный фонд и Всемирный банк рекомендовали для преодоления кризисов переходного периода.

зации представляют собой диалог между странами первого и третьего мира, тогда как второй мир, включая Польшу, никак в нем не участвует. В польских академических кругах исторический опыт собственной страны практически никогда не обсуждается в (де)колониальном ключе: изучив англоязычные и польскоязычные статьи, выдаваемые сервисом «Академия Google» по соответствующим запросам, Гурак-Сосновска обнаружила разрыв в несколько порядков по количеству публикаций в целом и по степени их релевантности теме истории польского колониализма.

Исследовательница также поделилась рассказом о том, как на заре своей академической карьеры направила в западный научный журнал статью, в которой утверждала, что Польша, в отличие от стран Западной Европы, никогда не была колонизатором. Предсказуемым образом статья была отклонена. Редакторы и рецензенты международных журналов с высоким рейтингом выступают в роли «при vratников» (gatekeepers), не допускающих распространения «неправильного» знания, закрепляя мировое господство англо-американских научных парадигм. Эта ситуация крайне проблематична: с одной стороны, продвигаемые таким образом идеи зачастую действительно имеют высокий эвристический потенциал — так, Гурак-Сосновска со временем пересмотрела свои взгляды на польский колониализм и нашла деколониальную перспективу весьма продуктивной для собственных исследований. С другой стороны, сама асимметрия отношений между современными интеллектуальными «центрами» и «перифериями» затрудняет полноценный диалог, вызывая либо упорное сопротивление актуальным научным парадигмам, либо их некритическое заимствование. И та, и другая реакция выходит за рамки собственно академических практик, задавая тон общественных дискуссий. В качестве примера имплицитной авторитетности западного опыта и устоявшихся языков его описания Гурак-Сосновска, специалист по мусульманским культурам, указала на споры по поводу строительства мечетей в Польше, в котором обе стороны (противники и сторонники разрешения) в качестве аргументов ссылаются на ситуации, имевшие место в Западной Европе, никак не учитывая разницу контекстов и локальную специфику.

Подобные асимметричные отношения могут существовать не только между отдельными странами или обширными транснациональными регионами, такими как Западная и Восточная Европа, но и между территориями внутри одного государства. Пример этого привела в своем выступлении *Ирина Склокина* (Львовский центр городской истории, Украина), говорившая о положении Донбасса. Совмещая исторические коннотации Дикого поля и индустриального региона, статус которого во многом определялся наличием месторождений угля, Донбасс долгое время мыслился как объект имперского цивилизующего воздействия. Следы подобного отношения коллеги Склокиной по Центру городской истории обнаружили в своих собственных установках, обсуждая неатрибутированную фотографию середины XX века, на которой женщины жарят курицу над костром, разведенным непосредственно на тротуаре во дворе многоэтажного дома. Эти «чужие» практики, не соответствующие нормативным представлениям о городской повседневности Новейшего времени, прекрасно укладывались в стереотип о «Донбассе как Другом»⁴, однако саморефлексия львовских исследователей позволила им переключить внимание с объекта обсуждения на производящие его дискурсы и задаться вопросом о том, как иерархическое мышление в цивилизационных категориях может влиять на практики документации, формирования архивов и музейных коллекций.

4 См.: *Портнов А.* «Донбасс» как Другой: Украинские интеллектуальные дискурсы до и во время войны // *Неприкосновенный запас.* 2016. № 6. <https://magazines.gorky.media/nz/2016/6/donbass-kak-drugoj.html> (дата обращения: 18.06.2024).

В этом смысле в деколонизации нуждаются сами эти институции, а не только исследовательские процедуры и вопросы, адресуемые уже собранным материалам. Необходим не столько пересмотр пантеона героев или смена полюсов в оценке исторических событий, сколько радикальная трансформация самих способов производства знания, с тем чтобы в него могли быть интегрированы разные голоса и точки зрения.

Докладчица рассказала о первых шагах в этом направлении, предпринимаемых Львовским центром городской истории. С одной стороны, это межрегиональное институциональное сотрудничество, в рамках которого особое внимание уделяется обмену опытом и знаниями, совместной работе по формированию источниковой базы и преодолению асимметричных аспектов взаимодействия. Так, в 2020—2021 годах Львовский центр городской истории сотрудничал с Мариупольским краеведческим музеем в рамках проекта по оцифровке музейных фондов. В отличие от Центра городской истории, не имеющего собственных исторических коллекций, Мариупольский музей хранил обширное собрание ценных предметов, но не располагал техническими и финансовыми средствами, необходимыми для создания цифрового архива — тогда как львовские партнеры обладали всеми возможностями для этого. При этом им было крайне важно подчеркнуть, что представленные на их сайте изображения принадлежат Мариупольскому краеведческому музею и местным сообществам — в противовес колониальной музейной политике, основанной на вывозе всех сколько бы то ни было значимых ценностей в метрополию.

Другим важным направлением работы Центра городской истории является взаимодействие с публикой: институция собирает зрительские отклики на оцифрованные и доступные на сайте источники, рассматривая эти реакции как составную часть архива. Тем самым оказывается возможным совместное производство знания в диалоге с аудиторией, вместо того чтобы в одностороннем порядке транслировать ей некую единую, официально принятую точку зрения. Полифония голосов создает комплексную картину, не сводящуюся, к примеру, к противостоянию взглядов на советское прошлое как однозначно «плохое» или «хорошее», хотя в ней и присутствуют ярко выраженные ностальгические, иронические и критические интонации. В частности, именно посетители сайта разглядели икону на заднем плане фотографии ударника труда из Мариуполя — деталь, проблематизирующую привычные дихотомии между архаикой и модерностью, крестьянским укладом и индустриальным развитием, религией и советской идеологией.

Выступавшая следующей *Ботакос Касымбекова* (Базельский университет, Швейцария) рассказала о том, как решила стать историком, узнав о беспорядках во Фрунзе (современный Бишкек) в 1967 году — одном из крупнейших антисоветских выступлений второй половины XX века, о котором сейчас мало кто помнит. Внимание исследовательницы привлекло не только само событие, но и его ретроспективная «невидимость», которая также представляет собой исторический феномен. Интерес к тому, как функционирует забвение внутри страны или региона и за их пределами, как и зачем люди учатся забывать, что способствует стиранию памяти, во многом определил область исследований и методологию Касымбековой. Докладчица отметила, что особенно привлекательной для нее оказалась немецкоязычная академическая среда, в которой тема коллективной памяти в условиях диктатуры и насилия является одним из центральных сюжетов для социогуманитарных штудий. Деколониальная перспектива как таковая изначально не была важна для Касымбековой, однако со временем исследовательница пришла к пониманию того, что колониальные практики и дискурсы, с одной стороны, и антиколониальная борьба — с другой, создали современный мир в том виде, каким мы его знаем. Вместе с тем докладчица отметила устойчивое сопротивление интер-

претации советского прошлого в имперских или колониальных категориях, с которым она непосредственно столкнулась, в том числе со стороны западных коллег. Среди адресованных лично ей упреков Касымбекова отмечает обвинения в «американизации» или «вестернизации», которые, по мысли исследовательницы, представляют собой любопытную современную параллель советскому ярлыку «безродного космополита».

После выступлений докладчиц разгорелась живая и содержательная дискуссия. Особенно продуктивным оказался вопрос о категории «расы» в контексте деколониальных исследований в Восточной Европе и Евразии: как соотносится использование этого понятия в западном академическом сообществе и за его пределами и насколько полезен термин «раса» вне привычного контекста европейских колониальных империй? Ботакоз Касымбекова в ответ рассказала о расовой стратификации пространства киргизских городов, которые делятся на «Бомбей» — часть, где живут белые поселенцы, и «Шанхай» — район, заселенный этническими Другими, в том числе представителями депортированных народов. Исследовательница также отметила существование представлений о русификации как о расовой «нормализации»: казахи, переходившие на русский язык, будто бы приобретали европейские черты лица. Роль лингвистических аспектов в конструировании идеи расы подчеркнула также Ирина Склокина, указав на богатую украинскую традицию изучения языка как расового маркера. Катажина Гурак-Сосновска рассказала о том, что для поляков категория расы остается во многом невидимой, хотя польские трудовые мигранты в Великобритании четко опознаются как расовые Другие, тогда как в самой Польше чертами расовой инаковости наделяются люди, принявшие ислам.

Третий семинар цикла, состоявшийся 24 февраля 2023 года, носил название «Молодые ученые о состоянии исследовательского поля, активизме и адвокации». Модератором выступила *Джессика Пизано* из Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк, США), и эту же институцию представляли две из трех докладчиц мероприятия. Отчасти данная секция развивала тему предыдущей, так как выступившие на ней молодые исследовательницы работают в США, являясь в то же время в силу своего происхождения носительницами альтернативной теоретической перспективы — пресловутого «взгляда из-за пределов англоязычной академической среды», заявленного в заглавии второго семинара серии. Кроме того, в этой секции вышел на первый план лишь пунктирно намеченный раньше, но, безусловно, центральный для всего цикла семинаров вопрос о том, в какой мере приемы (или даже желательна) политизация научных исследований.

Одним из основных объектов критического обсуждения на секции стала американская научная парадигма регионоведения (*area studies*), в рамках которой в основном организовано образование и научная деятельность, связанная с изучением постсоциалистических обществ. Размеры изучаемых территорий, их геополитические очертания и влияние в международном контексте во многом определяют популярность соответствующих учебных программ среди студентов и возможности получения грантов для исследований. Вместе с тем, уверена первая докладчица семинара, *Каролина Козюра* (Новая школа социальных исследований, США), американская наука «колонирует» Восточную Европу, закрепляя сложившийся *status quo* и практически игнорируя голоса исследователей из региона. По ее наблюдениям, «постсоветские» научные и учебные программы в нью-йоркских институциях по большей части сосредоточены на Москве, а собственные исследования Козюры, посвященные памяти о голодоморе, воспринимаются американскими коллегами как чересчур политизированные. Помимо ряда продуктивных вопросов, вызванных таким положением дел: каким образом те или иные места

начинают считаться заслуживающими внимания, какие темы признаются важными и почему и где пролегла граница между допустимым и чрезмерным уровнем политизации, — докладчица озвучила важную мысль о том, что «регионы» в американском регионоведении обычно рассматриваются как объекты изучения, а не источники знания, нейтральная область применения теорий, а не место их производства. Деколонизация регионоведения требует пересмотра этих исходных предпосылок дисциплины.

Следующая докладчица, *Мария Шинкаренко* (Новая школа социальных исследований, США), отметила, что в институции, с которой она аффилирована, образование не структурировано регионоведческой парадигмой, поэтому исследовательница столкнулась с ней лишь при попытке подавать заявки на гранты. Шинкаренко должна была формально увязывать свои научные проекты, посвященные национальной идентичности крымских татар, с Россией, поскольку все доступные ей источники финансирования так или иначе были локализованы в поле русистики. Докладчица указала также на русоцентричность западных дискурсов, описывающих события 2014 года, апеллируя к идее «русского большинства» в Крыму и игнорируя исторические процессы, которые привели к формированию этого большинства и которые полностью вписываются в западную концепцию колониализма, осуществляемого путем создания поселений.

В отличие от своих коллег, *Аманда Задорян* (Оберлинский колледж, США), выступавшая в этой секции последней, признает за регионоведением некоторые достоинства — в частности, такая перспектива позволяет сместить внимание с проблематичной концепции «нации» и не оперировать ею как некоей эмпирической данностью. Считая особенно продуктивными компаративные исследования, сама Задорян занимается изучением нефтяной промышленности России и Бразилии. Такой подход, по мнению докладчицы, позволяет получить иные данные по сравнению с результатами, которые были бы доступны при рассмотрении России в контексте Восточной Европы, а Бразилии — в контексте Латинской Америки, и задаться вопросом о причинах институциональной конвергенции в столь различных обстоятельствах. По крайней мере отчасти внутренние сходства обусловлены симметричными позициями этих стран на глобальном рынке, где им отведена роль развивающихся экономик с сырьевой ориентацией. Однако такого рода иерархии влияют не только на те регионы, которые описываются с их помощью из «нейтральной» западной перспективы, но и на сам ее источник. По мысли Задорян, деколониальным исследователям следует уделять больше внимания вопросу о том, как колонизация конструирует «Запад», ведь все Другие имперского воображения в том или ином смысле оказываются его двойниками.

Дискуссия после секции сосредоточилась вокруг трех основных вопросов. Во-первых, слушатели захотели узнать больше о роли западной, а конкретнее американской академической среды в закреплении тождества между СССР и Россией и в замалчивании других голосов. Джессика Пизано указала на то, что данная проблема не ограничивается академическим сообществом, но существует и на политическом уровне: так, после распада Советского Союза Россия по умолчанию заняла его кресло в ООН, и никто не задал вопросов к ее статусу государства-преемника. А Аманда Задорян отметила негативное влияние таких дискурсивных конструкций, как «история СССР»: нет и не может быть точки зрения (за исключением имперской), с которой можно было бы написать советскую историю в единственном числе, поэтому продуктивнее было бы говорить о множественных «историях СССР».

Другой вопрос коснулся библиотек и архивов: принципов комплектования их фондов и влияния осуществляемого при этом выбора на возможности исследова-

телей. Не только ученые из различных регионов обладают различным авторитетом и степенью известности в международном поле, но и на уровне источников определенные голоса оказываются более слышны, и чаще всего это голоса метрополий. Отчасти это проблема любых исторических исследований: архив сохраняет преимущественно точку зрения господствующих групп, — отчасти же это специфическая постколониальная ситуация, в которой язык продолжает быть инструментом господства. Языки империй являются средством межнационального общения, их охотнее выбирают для изучения в масштабах всего мира, тогда как языки колонизированных народов остаются «экзотическими», а источники на этих языках (и та перспектива, которую они представляют) — невидимыми для многих исследователей.

Каролина Козюра отметила, что в силу закрытости архивов в странах соцблока специалисты по этому региону изначально относились к недоступным им документам с особым пиететом — казалось, что стоит лишь открыть архивы, и можно будет узнать всю правду о советском режиме. Такое положение дел отличает данную область от классических постколониальных исследований, представители которых гораздо менее склонны фетишизировать источники и обладают развитым навыком читать их «наперекор» написанному (*against the grain*). Исследователи же (пост)социалистических обществ, кажется, лишь меняют со временем объекты своей фиксации, но не подход к ним: так, по мере разочарования в архивных документах, отражавших официальную советскую точку зрения, многие, по наблюдению Козюры, бросились искать правду в устноисторических интервью, ожидая (зачастую неоправданно) встретить в них альтернативную точку зрения.

Аманда Задорян в ответ на вопрос о том, какие источники по восточноевропейской и евроазиатской истории недостаточно представлены в американских библиотеках и архивах, высказала трудно реализуемую, но важную мысль: вместо того, чтобы закупать новые материалы для этих коллекций, стоило бы перенаправить средства на создание и развитие архивов в тех странах, к которым непосредственно имеют отношение документы, представляющие интерес для исследователей. Тем самым удалось бы преодолеть неоклониальную динамику, которую иллюстрирует тенденция к сосредоточению в обладающих огромным бюджетом культурных институциях США значимых исторических источников со всего мира.

Задорян принадлежит также остроумный и вдохновляющий ответ на поднимавшийся из секции в секцию вопрос о том, как возможны позитивные изменения в условиях колоссальной институциональной инерции и устойчивости сложившихся дискурсов и моделей знания. Исследовательница отметила, что подобный пессимизм не столько опирается на объективную оценку фактов, сколько представляет собой перформативный жест, в противовес которому она предпочитает практиковать столь же перформативный оптимизм. По мнению Задорян, все новые подходы, которые сейчас с трудом пробивают себе дорогу, в последующие десятилетия расцветут пышным цветом, и через полвека новое поколение молодых ученых будет работать уже в значительно более благоприятных условиях. Ее поддержала Джессика Пизано, которая призвала начинающих исследователей не дожидаться, пока те или иные идеи приобретут институциональную форму, а активно продвигать их самим, создавая собственные платформы и сообщества.

Следующий семинар цикла, состоявшийся 3 марта 2023 года, прошел под названием «Деколонизация: резонанс за пределами башни из слоновой кости?». Это мероприятие, посвященное внеакадемическим деколониальным практикам, модерировал *Дуглас Роджерс* (Йельский университет, США). Выступавшая первой *Эрика Марат* (Национальный университет обороны, США) рассказала о работе с памятью и травмой в творчестве современных художниц из Центральной Азии

Сауле Сулейменовой и Алтын Капаловой. Докладчица остановилась на инсталляции Капаловой, установленной в горах близ Иссык-Куля и изображающей массовый исход в Китай киргизских семей, спасавшихся от набора в царскую армию и от репрессий против участников антиколониального восстания 1916 года. Монумент, приуроченный к столетней годовщине этих трагических событий, сделан из железных прутьев, которые качаются на ветру, — так силуэт каравана приходит в движение. При этом прутья составляют фон композиции, тогда как сами фигуры всадников и пеших путников образованы негативным пространством, пустотой, материализующей историческую утрату.

Иным образом идею хрупкости воплощают «Целлофановые картины» Сауле Сулейменовой, в которых художница переносит на прозрачные полиэтиленовые «холсты» этнографические и семейные фотографии в технике коллажа из разноцветных пластиковых пакетов. Непрочность памяти об изображенных людях, среди которых жертвы политических репрессий, чисток и депортаций, подчеркивается материальностью произведений, противостоящей рафинированной традиции «высокого» искусства, создаваемого «на века». Использование целлофана также позволяет художнице привлечь внимание к проблеме пластикового загрязнения: среди ее работ есть и пейзажи, в которых идиллические образы степи в буквальном смысле складываются из мусора, ставшего в наши дни неотъемлемой частью природных ландшафтов. Вместе с тем пластик несет в себе идею современности, столкновение которой с прошлым, памятью и традициями составляет еще одну интригу работ Сулейменовой.

В этом же направлении — осмысления соотношения, взаимопроникновения настоящего и минувшего — развивается, как показала Марат, и массовая культура Казахстана. Если долгое время кочевое прошлое казахов было заключено в этнографических музеях, а в обыденной жизни скорее являлось предметом стыда и замалчивания — настолько укоренился имперский стереотип об «отсталости» кочевых народов, — то в последние годы появился тренд на инкорпорирование его элементов в современные практики в качестве значимых маркеров казахской идентичности. В качестве примеров этой тенденции Марат указала на использование юрт в культурной дипломатии, в частности в контексте спортивных событий, а также продемонстрировала рекламу казахстанской сети кофеен «Coffee Boom» — графическое изображение современного горожанина в одежде с традиционным орнаментом и со стаканчиком кофе в руке. Кроме того, докладчица отметила популярность «деколониальных» хештегов в соцсетях, где деколонизация переводится в индивидуальную плоскость и понимается в первую очередь как поиск себя. Этот поиск осложняется противоречивыми чувствами, которые вызывает недавнее прошлое: гордость от достижений советской эпохи и ностальгия по временам собственной молодости, преобладающая у многих представителей старшего поколения, идут вразрез с коллективной травмой и памятью о голоде 1930-х годов, когда, по приведенным Марат данным, погибло около 40% казахов. Докладчица продемонстрировала невозможность однозначного отношения к советскому периоду на примере собственной семьи, относившейся к советской элите благодаря партийной активности бабушки, но «заплатившей» за привилегированное положение другими членами семьи, о судьбе которых ничего не известно.

Если Марат говорила о деколонизации за пределами академической среды, сама являясь представительницей последней, то две другие докладчицы секции привнесли перспективу, связанную с практической деятельностью, а не чисто теоретическими исследованиями. Библиотекарь Анна Араис (Йельский университет, США) рассказала о деколониальных подходах в своей профессиональной области, включая проблемы «цифровой репатриации». Как и многие другие участники

этого цикла семинаров, Араис обратилась к влиятельной статье Ив Так и Уэйна Янга «Декolonизация не является метафорой»⁵, в которой постулируется недопустимость размывания этого понятия, означающего прежде всего возвращение коренным народам отнятых у них земель. Докладчица вступилась за использование деколонизации в том смысле, который Так и Янг называют метафорическим, отметив, что кажущееся абстрактным знание получает конкретное применение и последствия в реальном мире, поэтому четко отделить практику от теории не представляется возможным.

Связь между теоретическими представлениями и политическими возможностями наглядно продемонстрировала выступавшая следующей журналистка *Фатима Тлис* («Голос Америки», США), рассказавшая о том, как непризнанный геноцид черкесов в Российской империи продолжает влиять на положение этого народа в современном мире. Тлис также привела примеры асимметричного отношения к титульной нации и этническим меньшинствам в российских СМИ, как на уровне репрезентации, так и на уровне участия в производстве контента. Еще в перестроечную эпоху, получая журналистское образование, Тлис неоднократно слышала от преподавателей, что она не должна писать на этнические темы (в частности, о своем собственном народе), так как ее происхождение не позволит ей освещать их объективно. Однако те же самые преподаватели и редакторы не видели ничегостораживающего или предвзятого в том, чтобы русские журналисты выбирали сюжеты, связанные с этническими русскими. В результате подобной неофициальной цензуры и самоцензуры, по наблюдению Тлис, этнические меньшинства крайне редко (и исключительно в негативном качестве — как преступники и «сепаратисты») оказываются в заголовках федеральных новостей. Та же ситуация воспроизводится в западных СМИ, которые берут информацию преимущественно из официальных российских источников и не заинтересованы в освещении проблем этнических меньшинств.

Полемиическая острота выступлений в этой секции, особенно заключительного, способствовала тому, что в дискуссии вновь был поднят вопрос о соотношении политики и аналитики. Фатима Тлис в ответ назвала тему прав человека политической по определению, а Анна Араис выразила уверенность в том, что библиотека как публичное пространство, в котором физически и символически находится место любым людям и группам, является политической институцией. Доклад Эрики Марат вызвал у слушателей вопрос, как относятся к деколонизальным движениям правительства Казахстана и Кыргызстана. Марат ответила, что в целом отношение можно назвать положительным: лидеры этих стран охотно используют вновь обретшие популярность национальные символы, чтобы продемонстрировать свою солидарность с народом, и рады тому, что, фокусируясь на негативных аспектах и следствиях колонизации, деколонизальные активисты не выдвигают претензий к ним лично. Однако, по мнению исследовательницы, деколонизальные инициативы преимущественно возникают на низовом уровне, тогда как правительства в этом отношении достаточно пассивны и избегают предпринимать какие-либо решительные меры — например, открыть доступ в архивы советской эпохи.

Пятый семинар цикла под заголовком «Разработка учебных программ и критическая педагогика на занятиях: как преподавать по-другому?» состоялся 17 марта 2023 года; модератором выступила *Крис Мартин* (Гарвардский университет, США). Две докладчицы, *Шошана Келлер* (Гамильтон-колледж, США) и *Каресс Шенк* (Назарбаев университет, Казахстан), обсудили практические сложности,

5 *Tuck E., Yang K.W.* Decolonization is not a metaphor // *Decolonization: Indigeneity, Education & Society.* 2012. Vol. 1. No. 1. P. 1–40.

встающие перед преподавателями, которые хотели бы привнести в свои курсы деколонизальную перспективу, и пути преодоления этих затруднений. Келлер сформулировала ключевую дилемму: фокусируясь на титульной нации и точке зрения «из центра», имперская история предоставляет единую линию повествования, которую легко проследить, понять и запомнить даже в рамках вводного общеобразовательного курса. Отказываясь от этого нарратива и заменяя его на множество разнородных голосов «с окраин», можно запутать студентов, у которых в итоге не останется от курса никакой внятной картины или цельной совокупности знаний. Келлер призналась, что сама пока находится в процессе пересмотра своей учебной программы и не может предложить готовых решений этой проблемы. В качестве примера перспективных изменений докладчица назвала акцентировку «мультикультурного» характера Киевской Руси, выявление роли иудеев, мусульман и язычников в древних славянских обществах. Терпимость и открытость этих ранних государственных образований контрастирует с позднейшими эпохами, когда евреям, например, отказывалось в праве селиться на землях Московского княжества, и отвечает этноконфессиональному разнообразию современных студентов.

Каресс Шенк указала на еще одну преподавательскую дилемму: противоречие между желанием предложить обучающимся наиболее передовые, революционные подходы и обязанностью дать им крепкую базу знаний, необходимую для успешного трудоустройства впоследствии. В этом смысле крайне важно донести до студентов устоявшуюся точку зрения, в то же время вооружая их инструментами для ее критической деконструкции. По мнению Шенк, работающей в казахстанском университете, в этом контексте требуется двойная деколонизация: переработка советского (и российского имперского) наследия и противодействие гегемонии Запада, в том числе эпистемологической — устоявшимся иерархическим представлениям о том, чьи идеи важны и заслуживают внимания. Докладчица поделилась маленькой практической хитростью, которая позволяет ей отслеживать, насколько представлены в ее подборке текстов к семинарам голоса коренных народов, и избегать доминирования белых мужчин: она маркирует позиции в списке рекомендованной литературы разными цветами в зависимости от расы и гендера автора. Шенк пропагандирует «студентоцентричный» подход в образовании, стремясь развить у своих подопечных уверенность в себе, способность формулировать и отстаивать собственное мнение. При этом она спешит подчеркнуть, что внимание и уважение к идеям студентов отнюдь не предполагает полной теоретической анархии и хаоса: любая точка зрения ценна сама по себе, но в поле образования и науки она должна быть доказана и может быть оспорена.

Крис Мартин спросила Шенк, как она добивается того, чтобы студенты открыто выражали свое мнение, признав, что в США многие боятся делать это из-за «культуры отмены». Докладчица перечислила ряд приемов, суть которых сводится к тому, чтобы минимизировать роль преподавателя в качестве источника «правильных» знаний и жандарма в аудитории, наказывающего за проявления несогласия, особенно на ранних этапах работы с группой: проводимые до начала курса опросы о том, что хотели бы узнать сами студенты, привлечение их в качестве модераторов дискуссий, поощрение альтернативных точек зрения. Кроме того, Шенк подчеркнула важность отказа от амплуа всезнающего профессора, непогрешимого эксперта и подчеркивания собственной человеческой природы, несовершенств и ограничений.

Видимо, в режиме признания собственных ошибок Шошана Келлер повинилась в том, что до сих пор нередко говорит «Россия», имея в виду Российскую империю или СССР. В то же время она подчеркнула трудность изобретения удачной альтернативы такому именованию: «Когда я говорю, что преподаю историю народов Западной Евразии, никто не понимает, что я имею в виду». В ходе дискуссии

Келлер также поделилась еще несколькими соображениями о том, как можно реорганизовать содержание курсов. По ее мнению, необходимо отказаться от телеологического мышления и вопросов наподобие «как возникло Московское царство?» или «как большевики пришли к власти?», потому что они ретроспективно организуют прошлое в соответствии с логикой позднейшего момента. Кроме того, Келлер посоветовала больше обращаться к литературным источникам, чем это принято в исторической науке: в художественных произведениях могут заметнее звучать голоса, отсутствующие, приглушенные или искаженные в официальных документах.

Заключительный семинар серии прошел 31 марта 2024 года. Мероприятие, озаглавленное «Будущее славистики, восточноевропейских и евроазиатских исследований: как предвосхитить завтрашние различия?», модерировала президент Ассоциации славистических, восточноевропейских и евроазиатских исследований *Джулиет Джонсон* (Университет Макгилла, Канада). Первым выступил *Сергей Екельчик* (Университет Виктории, Канада), сосредоточивший внимание на эффектах некритического использования слова «Россия» в качестве синонима Российской империи и СССР в различные периоды их существования, о чем шла речь в дискуссии, следовавшей за предыдущей секцией, и на протяжении всего этого цикла семинаров в целом. Екельчик указал на то, что подобное словоупотребление отнюдь не представляет собой случайную оговорку или упрощение для краткости — оно способствует созданию образа вечной и неизменной империи, поддерживаемая заложенные в этом образе властные иерархии. При этом, по наблюдению докладчика, даже студенты неисторических специальностей порой задаются вопросом, можно ли говорить об одной и той же «России» применительно, скажем, к XVIII и XX веку. Екельчик призвал пестовать подобные сомнения, выявляя моменты, способные проблематизировать отождествление России с Российской империей или СССР — например, ситуацию, когда в «России» было сразу два президента, Горбачев и Ельцин, которые при этом не особенно друг к другу благоволили.

Следующий докладчик, *Арапат Осипян* (Новая школа, США), в своем выступлении продемонстрировал, что политологический анализ, не учитывающий экономических аспектов, не может дать полного понимания ситуации. Так, исследователь показал, что экономики Украины и России связаны намного теснее, чем можно было бы предположить в условиях военного конфликта. В конце 2010-х годов объемы торговли между Россией и Украиной только росли, и на 2018 год Россия де-факто оставалась основным торговым партнером Украины. На Донбассе до недавнего времени работал завод, производивший запчасти для российских атомных реакторов, которым совместно владел «Росатом» и один из депутатов Верховной рады. С другой стороны, интеграция Украины в «западный» мир в экономическом плане остается ничтожной: так, в стране невозможно совершать онлайн-покупки, используя американскую банковскую карту, например купить билеты на поезд. Осипян также рассказал о бесплодной инициативе Всемирного банка по поддержке высшего образования в Украине в 2021 году: финансовая помощь предусматривала слияние некоторых вузов, ректоры которых не были готовы отказаться от своих полномочий, поэтому заговорили об опасности западного влияния. Проект также натолкнулся на беспрецедентный уровень коррупции в Украине, который представители Всемирного банка не могли себе вообразить. Впрочем, как отметила Джулиет Джонсон, западные страны сами далеко не свободны от коррупции и в собственных интересах активно поддерживают ее на постсоветском пространстве.

Семинар завершился выступлением *Ильи Герасимова* (Иллинойский университет в Чикаго, США), который выразил обеспокоенность заглавием секции, в которой ему выпало участвовать. Это название, как показалось докладчику, апеллирует к профессиональному знанию историков с точки зрения его возможного

практического применения, тогда как обычно, стараясь быть полезными, историки лишь предоставляют оправдания для правящего режима. По мнению Герасимова, профессия историка полезна не потому, что она накапливает знания о прошлом, а потому, что она позволяет расширить социальное воображение. Докладчик также подчеркнул принципиальные, на его взгляд, различия между антиколониальным и деколониальным подходом. В интерпретации Герасимова антиколониальное сопротивление фиксируется на фигуре угнетателя, тем самым воспроизводя последствия угнетения. Так, в СССР принято было в качестве жупела ссылаться на кровавое наследие царизма: этот режим перестал существовать, но свойственные ему структуры гегемонии в новых условиях сохранились или даже были усилены. В противовес этому постколониальная мысль стремится демонтировать сами эти структуры. В этом смысле постколониальная ситуация похожа на биографию потерпевших от системного домашнего насилия: нельзя забывать о нем, но нельзя и позволить этому опыту влиять на всю последующую жизнь. Поэтому деколонизация, по мысли Герасимова, должна способствовать не только и не столько осмыслению прошлого, сколько изобретению новых эпистем и новых способов помыслить себе социальную сопричастность.

Ксения Гусарова

Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики»

*(Европейский университет в Санкт-Петербурге,
исследовательский центр «Res Publica», 15–16 декабря 2023 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_414

15–16 декабря 2023 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге в седьмой раз прошла ежегодная общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики», организованная исследовательским центром «Res Publica». В этом году в качестве основного акцента конференции была выбрана тема «“Общественное” и “публичное” как политические формы: борьба традиций и сценарии будущего». Участники события обсуждали вопросы генеалогии и специфики понятий, связанных с «обществом» и «публикой», публичную сферу и режимы публичности, а также праксеологическую философию языка. В поле внимания выступающих попали и «классические» темы конференции, например исторический опыт Великого Новгорода, а среди докладчиков, как и прежде, были представители самых разных дисциплин: специалисты в области современной философии и социальных наук, историки, политические теоретики. Отдельно стоит отметить, что конференция, по сравнению с прошлым годом, вновь заявила о себе в полную двухдневную силу, что отразилось как на количестве докладов, так и на разнообразии дискуссий и исследовательских перспектив.

Первый день конференции был открыт панелью «Политическая теория: “общественное” и “публичное” между прошлым и будущим» (секция 1), модератором которой выступил *Олег Хархордин* (ЕУ СПб).